

Анна Данилова

Алый шар луны

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=255982*

*Алый шар луны: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38282-8*

Аннотация

Их роман начинался так красиво! Случайно встретились возле цветочного магазина, где он купил ей огромный букет, и уже не расставались. Егор считал, что Надя Агренич сошла с одного из полотен Ренуара. Но потом страстно влюбился в ее красивую подругу и накануне свадьбы ушел к той. Надя чуть не помешалась, страдая от жесточайшей депрессии. Едва почувствовав себя лучше, она решила разом покончить с прежней жизнью и начать новую. Ограбив фирму, в которой работала кассиром, девушка села в поезд, следующий до Москвы, и бесследно исчезла... Писательница Полина Пухова, оказавшаяся причастной к судьбе Надежды, обнаружила, пожалуй, единственную зацепку, позволяющую отыскать ее: Агренич ехала в одном вагоне с беглыми каторжниками. Одного из них так и не нашли, как не нашли и Надю..

Содержание

1	5
2	23
3	33
4	43
5	57
6	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Анна Данилова

Алый шар луны

Дорогой читатель Митес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое вечное счастье!

Читайте, познавайте и
испытывайте удовольствие от
книг! И творите сами!

Анна Данилова (фигура)

1

Чтобы отправиться в далекое путешествие из Москвы в Сургут, нужна весомая причина. Предположим, там поджидает вас наследство в миллион долларов. Вот тогда можно спокойно заказывать билет и, пакуя чемодан, изводить себя мечтами о том, как бы потратить этот миллион, чтобы и удовольствие получить, и денежки сохранить, то есть чтобы не растратить все за одну неделю... Меня же никакого наследства там не поджидало. Больше того, эта поездка обещала одни сплошные расходы и полное отсутствие, как я предполагала, привычного комфорта. Посудите сами. Одно дело – сидеть в теплой квартире и печатать на компьютере очередную главу романа, попивая чай или кофе, а совсем другое – лететь куда-то в глушь, в Сибирь, в февральский холод, в неизвестность...

Однако билет я уже заказала, и его должны были принести мне с минуты на минуту. Так, во всяком случае, мне сказала девушка из курьерской службы. Я укладывала в чемодан очередной свитер и уже пятую пару толстых шерстяных носков, когда в дверь позвонили.

Если бы я не была так простужена в тот день, когда мне предложили в издательстве быстренько выбрать себе литературный псевдоним, то окружающие люди знали бы меня как, предположим, Розамунду Бестужева-Рюмину или скромно –

Фаню Нарышкину, а то и вовсе простенько – Улдузу Голенищеву-Кутузову, не говоря уже о Клотильде Дашковой-Кривопищевой; но, поскольку мне в то время было совершенно наплевать, какая фамилия будет указана на моих книгах – меня беспокоили только мое горло и насморк, – я настояла на своей истинной.

– Полина Пухова? Нет, это звучит ужасно! Как перина, как подушка с пухом! – замахал руками редактор.

Я сказала ему – мне требуется время, чтобы придумать что-нибудь оригинальное, чтобы это красиво звучало и легко запоминалось, но так ничего и не придумала – сроки поджимали, книга уже должна была вот-вот выйти, и, к моей огромной радости, «Полину Пухову» оставили, и я обошлась без псевдонима.

– Вы Полина Пухова? – спросила закутанная в розовый шарф девушка-курьер. – Собираетесь в такую стужу в Сургут?

Она словно прочла мои мысли.

– Да, это я – в стужу, в Сургут...

Девушка была явно в хорошем настроении, она пожелала мне летной погоды, успешной посадки, и я, закрыв за ней дверь, снова подумала: куда я лечу? Зачем?

Хотя, конечно же, я долго размышляла, приблизительно дня три, прежде чем решиться на такой марш-бросок в Сибирь. Моя сестра полгода назад вышла замуж за первого

встречного парня из Сургута и полетела с ним туда, к нему, как жена декабриста. Письма от нее приходили хорошие, надо сказать, она не жаловалась, писала, что счастлива, что они любят друг друга, что новая жизнь ей по душе... Но надо знать мою Милу, чтобы верить написанному. Она всегда была капризна, избалована, испорчена вниманием родителей и деньгами, а потом и огромным количеством завидных московских женихов. И вдруг – в Сургут! Родители, к моему удивлению, благословили ее и, с легким сердцем отправив дочку в Сибирь, сами переехали в Петербург – поближе к бабушке с бабушкой. Я же должна была следить за Милкиной квартирой, поливать никому не нужные теперь цветы, вытирать пыль.

«Я беременна, – написала мне Милка, а потом и сама показала по скайпу – расплывчатая, нечеткая, словно ее изображение разбавили оранжево-фиолетовой водой. – Знаешь, такие странные ощущения!»

«Ты как себя чувствуешь?»

«Да как обычно...»

«Милка, с тобой все в порядке?»

«Да... Все...»

«Твой Тихий любит тебя?»

Тихий – это фамилия моего зятя.

«Да, любит. Все хорошо».

«Ты не скучаешь?»

И вдруг я поняла, что она плачет. А потом сестра и вовсе

исчезла с экрана. Я написала:

«Что с тобой? Ты почему плачешь?»

«Все в порядке. Смотрю на тебя, вспоминаю... Здесь все чужие! Тихий вечно на работе, а я совсем одна...»

Вот так через три дня я и решилась на это путешествие. Навестить сестренку. Посмотреть на нее, беременную, разведать обстановку и решить для себя – оставлять ли Милку с Тихим или же брать ее за шкурку и возвращать обратно, в Москву.

И, уже собираясь, я постоянно ловила себя на мысли, что с Сургутом или с Тюменью, словом, с тем холодным краем у меня связаны еще какие-то воспоминания ли, ассоциации ли... Вот только не было в этих ассоциациях ни северного сияния, ни романтики Севера, ни снега с метелью, а виделся мне почему-то бешено мчащийся поезд и слышался стук колес, а еще – отчаянный женский вопль и кровь на холодном металлическом полу тамбура. Что-то недосказанное, незавершенное, пахнущее пионами и, как это ни странно, книжной пылью.

И только к вечеру того дня, когда я уже решилась на поездку, я все вспомнила.

Это был литературный вечер в одной из библиотек. Мне присылали записки, я отвечала на вопросы. Кстати сказать, на таких вот тихих библиотечных вечерах встречаются весьма интересные вопросы, да и люди попадаются вдумчивые, заинтересованные, истинные почитатели твоего творчества.

Ко мне подошла очень скромно одетая немолодая женщина и сказала, что у нее есть ко мне одно дело. Я поняла, что она хочет мне что-то поведать наедине. Мы отошли с ней в сторону, и она спросила меня, где я беру сюжеты для своих романов. Мне часто задают этот вопрос, и я, признаться, уже устала отвечать на него. Приготовилась уже было произнести дежурное: из воздуха! Сюжеты беру из воздуха, они повсюду... Как вдруг я услышала:

– У меня есть для вас сюжет. Вы же криминальные романы пишете, а это как раз такая – криминальная и ужасно страшная история... Это все происходило на моих глазах, но мне почему-то никто не верит! А моя внучка так и вообще считает меня сумасшедшей. Ей это на руку, я знаю, что она хочет избавиться от меня и отобрать квартиру. А я – что... что могу я сделать?!

Я смотрела на нее и представляла себе ее тяжелую жизнь, ее одиночество, постоянные ссоры со взрослой внучкой. Наверняка она еще и чем-либо больна, все-таки возраст... Я часто, глядя на человека, словно бы вижу какие-то фрагменты из его жизни. Вот и тогда я увидела почему-то ее, эту женщину, сидящую в кухне возле окна, за которым идет снег. На столе чашка с жидким кофе, печенье...

– Слушаю вас, – кивнула я.

– Я возвращалась в Москву из Тюмени, где у меня живет подруга. Вот так, на старости лет, решила навестить близкого, родного мне человека. И такая поездка, знаете ли, прият-

ная была! И с попутчиками повезло... Я же на поезде поехала. На самолет билеты дорогие. Туда доехала быстро – разговоры мы вели с соседями по купе... Да и спала я хорошо, спокойно, не то что в Москве. А вот на обратном пути в поезде произошло что-то страшное... И это не дает мне покоя! Я и сон потеряла, постоянно думаю об этом, но сделать ничего не могу. У меня здоровья нет. И сил.

– Так что же произошло в поезде?

– У меня была соседка по купе. Она тоже в Москву путь держала. Молоденькая такая девушка. Красивая. Надей ее звали. Она, конечно, не такая разговорчивая была, как мои прежние соседи по купе, но все равно, приветливая, вежливая такая. Нас ехало двое. Больше никого. Пока мы чаю попили, газеты-журналы почитали, и вечер наступил... Надя вышла в туалет, полотенце взяла, мыло... Словом, она не вернулась. Я долго не могла уснуть. Сначала мне показалось, что в той стороне, где находится купе проводников, кто-то вскрикнул... Потом кто-то бегал как будто туда-сюда. Но я приписала все это своей мнительности. Осмелев, я решила отправиться на поиски Нади. Думала: если не найду ее где-нибудь в вагоне, скажу проводнице, что пассажирка пропала, ее уже полчаса нет. Вышла я из купе и направилась в сторону туалета, того, что был расположен ближе к нам, то есть неподалеку от купе проводников. В туалете никого не было. Тогда я вышла в тамбур, думаю, может, Надя там стоит, курит? Сейчас же все курят. Открываю дверь и вижу... извини-

те... голый зад! Какой-то мужчина. А под ним – Надя! Смотрит на меня умоляющими глазами! Какой-то гад ее насилывал, понимаете?! Я поняла, что ее надо спасать, побежала к проводникам, рванула дверь – никого. Тишина. Страшно так мне стало...

Я – в купе, заперлась. Сажу и думаю: что делать? Надо же что-то делать... Звонить! Но кому звонить? По какому телефону? Пока я так раздумывала, чувствую – у меня перед глазами все плывет... Плохо мне стало. Я пришла в себя, уже когда в купе вошел какой-то мужчина в фуфайке. Приложил палец к губам, мол, молчи, а потом, забирая дорожную сумку Нади, он, глядя мне прямо в глаза, тихо сказал: «Вы ничего не видели и не знаете... И никто с вами не ехал! Забудьте ее». И ушел. А мне и вовсе дурно стало! Потом мне показалось, что кто-то закричал... Меня всю затрясло. Я услышала, как кто-то прошел за дверями купе и сказал: «Скоро Войновка...» Я запомнила название станции. Но еще до того, как поезд остановился, я слышала какой-то шум, как будто кто-то хлопнул тяжелой металлической дверью. Я сидела тихо, как мышка, не зная, что и думать... Это позже, уже под утро, ко мне зашел какой-то человек и начал задавать вопросы. Спрашивал, не слышала ли я посторонних звуков? Когда я видела в последний раз проводницу? Кто был со мной в купе? Признаюсь: я промолчала... Вернее, солгала – сказала, что никто со мной не ехал. Хотя на самом деле была эта Надя, которую, как мне думается, убили...

– Почему убили? – спросила я.

– Да потому что весь вагон потом обсуждал случившееся! Говорили, что были обнаружены два трупа. Один труп – это была проводница... Представляете, оказывается, проводницу убили! Не зря же я слышала крик! А другой труп – неизвестный – сбросили с поезда... Убийца взял у проводницы специальный такой ключ, открыл дверь идущего на полном ходу поезда и вытолкнул из него окровавленное тело. Или выбросил труп в окно купе проводницы. Понятное дело, что убили Надю! И убил ее тот самый... зверь...

– Зверь?

– Он из тюрьмы сбежал! Вернее, вроде несколько человек сбежало, но один вот попал в наш поезд. Они же там все в тюрьме превращаются в зверей! Уж доехал бы до Москвы, дотерпел бы! Ан нет, не смог: увидел молоденькую девушку и завалил ее прямо в тамбуре...

– Вы хотите, чтобы я написала об этом?

– Это еще не самое интересное... – вдруг сказала женщина. – Интересное началось потом, когда я, умирая от страха и стыда за свою ложь, снова осталась одна. Вспомнила, что изверг этот в купе заходил, вещи Надины забрал... Но кое-что он оставил. Потому что не знал о ее существовании.

– Вещь?

– Да. Кошка! Такая, знаете, плюшевая большая симпатичная кошка, которая скорее напоминала подушку. Надя клала ее себе под голову. Я уж не стала ее спрашивать, что

это за подушка-кошка такая... Может, ехала себе девчонка в Москву, навстречу новой жизни, поступать куда-то, вот и прихватила из родного дома сшитую мамой подушку. И сумочку ее он тоже не заметил. Маленькую такую лакированную сумочку, с документами.

– И куда вы ее дели? В милицию сдали?

– Нет... Говорю же... Ничего я тогда никому не рассказала, все ее вещи с собой так и привезла. И даже сумочку не открывала, подумала – а вдруг там отпечатки моих пальцев окажутся? Положила в пакет и сумочку, и подушку, так и привезла все домой. Спрятала в шкафу.

– Чего же вы хотите?

– Хочу освободиться от этих вещей! Я задыхаюсь от них, понимаете? А вы... Вы пишете такие интересные, сложные книги, и так хорошо там со всеми разбираетесь, распутываете такие сложные истории... Вот я и подумала: вот кому, этой женщине с замечательным умом и фантазией, я могу доверить эти вещи! А уж она разберется, что с ними сделать. Как поступить.

– Но если я принесу эти вещи в милицию, меня спросят, откуда это у меня, и что я отвечу?

– Скажите, что их вам принесла какая-то полоумная старуха. Ни имени моего вы, мол, не знаете, ни адреса...

– Вы что же, принесли этот пакет с собой?

– Нет, что вы! Я приготовила для вас лишь листок с адресом и номером телефона. Если вы захотите написать новый

роман, вспомните мою историю, приезжайте ко мне, я отдам вам вещи Нади. Может получится интересный роман.

И она положила на столик записку.

– Как вас зовут? – спросила я, удивленная странным рассказом женщины.

– Екатерина Андреевна я. Ах да, чуть не забыла... Подпишите мне вот эту вашу книгу!

Записку я благополучно потеряла. Потом нашла – и снова потеряла. И вот теперь, накануне отъезда, я вспомнила о ней и стала искать. Оказалось, что она лежала там, где ей и положено было – в коробочке со стопкой подобных же записочек, визиточек, каких-то листиков с заметками, словом, вместе с материалами для будущих романов. Вот: Екатерина Андреевна Ревина. И адрес с телефоном. Позвонить? И что сказать? «А помните, года три тому назад вы подходили ко мне и предлагали сюжет для нового романа?» Если все, что она мне тогда рассказала, – правда, то она не могла об этом забыть. Хотя за три года могло произойти многое. К примеру, сама Ревина могла отнести вещи своей убитой соседки по купе в милицию и во всем признаться, что, мол, испугалась она тогда, ведь ей угрожали...

Времени у меня было много, настроение – хорошее, авантюрное, поэтому я, уложив вещи, позвонила своему бывшему мужу, на которого собиралась оставить теперь уже две квартиры с цветами и пылью, сказала, чтобы он приезжал,

как мы договаривались, несмотря на то что я немного задержусь, вышла из дома, села в машину и покатила по заснеженным улицам Москвы по значившемуся в записке адресу. Из машины я позвонила по указанному телефону, но трубку никто не взял. И все равно, словно подгоняемая кем-то невидимым, я не спеша, постоянно застревая в пробках, добралась до Масловки. Довольно быстро нашла нужный мне дом, проникла в подъезд с помощью какого-то мальчишки с ключом и теперь стояла перед квартирой номер двадцать четыре, абсолютно уверенная в том, что сейчас я увижу Екатерину Андреевну Ревину. Однако дверь мне никто не открывал. Я звонила и стучала довольно долго. Ругала себя за легкомыслие, за то, что притащилась сюда, не дождавшись ответа на телефонный звонок. И так бы я, возможно, и ушла прочь, если бы на устроенный мною шум не открылась дверь соседней квартиры.

– Вы?! – Женщина, всем своим обликом напоминающая старую учительницу (аккуратная прическа, особое выражение лица, очки на носу, красивая вязаная пелерина на узких плечах) смотрела на меня с выражением нескрываемого удивления. – Вы все-таки пришли...

– А что, вы меня знаете?

– Вы же Полина Пухова! Я видела ваше фото на обложках книг... Да... Опоздали вы! Ровно на два года.

– Она умерла? – вдруг поняла я. – Неужели?

– Проходите... В этой квартире сейчас живет ее внучка.

Которая, собственно говоря, ее и убила, – заметила женщина, нервно поводя плечами. – Проходите-проходите, не надо, чтобы нас кто-нибудь услышал...

Соседку звали Еленой Николаевной. Она пригласила меня в гостиную, усадила за стол и отправилась в кухню, ставить чайник. Я осмотрелась. Теплая уютная квартирка, в которой живут двое – Елена Николаевна и ее одиночество. Это читалось во всем, я это чувствовала. Но это одиночество уже перестало ее угнетать – так много лежало повсюду раскрытых книг, альбомов, журналов. На полках я увидела целую коллекцию видеокассет, в углу комнаты заметила мольберт... Елена Николаевна была, безусловно, творческой личностью, и ей никогда не бывало скучно, она знала, чем заняться и чем вообще жить. К тому же у таких людей всегда есть друзья.

– Вы живете одна? – спросила я ее, чтобы проверить свои предположения.

– Да, совершенно одна. Но лучше жить одной, чем с такими родственничками, как у Кати. – И она махнула рукой в сторону двери. – Говорю же, угробила ее эта Ленка! Сначала они упекли ее в сумасшедший дом, а уж там она через месяц и умерла...

– Но почему в сумасшедший дом? Она производила впечатление совершенно здоровой психически женщины!

– Она и была здорова. Просто у Ленки муж работает в этой клинике... Они все сделали, чтобы избавиться от Кати!

Я пыталась бороться, обращалась в милицию, но все было бесполезно... Погубили хорошего человека. Просто так. Из-за квартиры. И таких примеров вокруг – миллион! Я предлагала Кате переехать ко мне, а квартиру продать или сдать. Но она не нашла в себе сил сделать это, побоялась, что будет грандиозный скандал.

– Скажите, Екатерина Андреевна рассказывала вам одну историю? Про поезд...

– Да-да! Конечно! Она сильно переживала из-за этого, постоянно вспоминала про эту убитую девушку и считала, что она не исполнила свой гражданский долг, отказавшись сотрудничать с милицией. Она сказала, что легко составила бы фоторобот того мужчины, приходившего в купе за вещами девушки. Я успокаивала ее, как могла. Говорила, что многие поступили бы на ее месте так же, что тот мужчина оставил ее в живых, полагаясь исключительно на ее страх... И если бы он прочел в ее глазах не страх, а, скажем, ненависть, то, скорее всего, убил бы и ее. Просто он понял, что видит перед собой перепуганную пожилую женщину, которая будет молчать. Это ее, возможно, и спасло. Я понимаю, что все, что я сейчас сказала, звучит неубедительно, но я тогда не знала, какие еще придумать слова, чтобы успокоить ее.

– Дело в том, что я завтра лечу в Сургут. Окажусь в тех краях. Вот я и подумала: а почему бы мне не попытаться найти кого-нибудь, кто еще помнит об этой истории? Может, мне удастся разыскать родных, близких этой девушки и пе-

редать им ее вещи? Насколько я помню, она оставила в купе маленькую сумочку и какую-то плюшевую игрушку...

– Вот теперь я точно знаю, что Катя была права, когда говорила, что только вы можете помочь ей!

– Я ничего не обещаю, но просто мне и самой будет интересно узнать, что же на самом деле произошло в поезде в ту ночь... Действительно ли девушку изнасиловал и убил сбежавший заключенный?

– Понимаю... Я сейчас.

Елена Николаевна вышла из комнаты и вернулась с пакетом, из которого извлекла небольшую черную лаковую сумочку и упакованную в тонкий целлофановый пакет симпатичную мягкую кошку размером с небольшую подушку. Кошка и была своеобразной подушкой, круглой, пузатой и очень тяжелой.

– А почему она такая тяжелая? – спросила я.

– Возможно, там лежат какие-то вещи Нади...

Странное дело: когда она произнесла имя девушки, мы с ней – обе – почувствовали какую-то причастность к судьбе словно бы уже знакомого нам человека. Одно дело, когда говоришь «девушка», и совсем другое – когда произносишь ее имя. Надя.

– Да. На самом деле... Там могут быть и ее документы, и, может, украшения... – согласилась я. – Не случайно же она держала кошку у себя в изголовье. Я, к примеру, всегда

кладу под голову в поезде свою сумку с деньгами.

– Сразу скажу – ни я, ни Катя, – мы не открывали сумку, не вспарывали кошку, поэтому о том, что там, я и понятия не имею!

– Неужели вам не любопытно было?

– Любопытно? Да, конечно, я живой человек, и мне было интересно узнать, что находится в кошке, но я, когда смотрела на эти вещи, мне становилось как-то не по себе... Словно душа Нади витала где-то поблизости и наблюдала за мной.

– Что?!

– Я вполне серьезно.

– Хорошо. Так как мы поступим? Может, сейчас все откроем, посмотрим и вместе решим, что со всем этим делать?

– Нет-нет-нет!!! – замахала руками Елена Николаевна, раскрасневшись от волнения. – Я ничего не хочу знать и видеть! Я лишь отдаю вам то, что должна была передать. Как вы думаете, каким образом все эти вещи оказались у меня? Катя! Это она вручила мне их на хранение. Она ждала вас. Она надеялась, что вы подключитесь к этой истории, заинтересуетесь ею... Знаете, она так и говорила. Вот, мол, когда у нее закончатся все сюжеты и она будет в поиске, вот тогда-то она и вспомнит обо мне, о Наде... Конечно, Катя и предположить не могла, что вы соберетесь в Сургут! Вы помните название станции?

– Как ни странно, да. Войновка. Так? Это где-то неподалеку от Тюмени.

– У меня название этой станции даже записано. Но и я тоже запомнила наизусть.

– Екатерину Андреевну жалко... Думаю, если бы она обратилась ко мне за помощью, я бы помогла ей... Посоветовала бы, как ей подействовать на внучку.

– На Ленку-то?

Елена Николаевна крикнула это уже из кухни, откуда вскоре вернулась с подносом, на котором стоял заварочный чайник, чашки и сахарница.

– Нет, на нее невозможно подействовать. Они со своим мужем еще и не такие дела проворачивали! И все – с помощью психушки. Одного парня все пасли, инвалида, у него с психикой все было в порядке, но самостоятельно, дома, он жить не мог. Так она, эта Ленка, влюбила его в себя, и он сам подписал ей свою квартиру! А парня упекли в психушку. Они страшные люди – Ленка и ее муж! Я сама их боюсь, если честно...

Слушая все это, я постепенно впадала в какую-то апатию. Вероятно, весь мой запал авантюристичности и жажды приключений уже иссяк, и мне захотелось домой, к своему компьютеру, ко всему привычному, спокойному... И зачем только я приехала сюда? Теперь придется забирать эти вещи. И что я с ними буду делать? Нет, призрака Нади я не боялась. Я вообще не верю в призраки. А хоть бы они и существовали, и что с того? Я же не собираюсь присваивать себе ее су-

мочку! У меня сумок – целая коллекция. Сумки – это моя болезнь. Да и кошка эта плюшевая... Может, конечно, там и лежит что-то ценное. Если окажется, что это так, я точно обращусь в милицию. Но только представителем органов будет мой бывший муж, Володя Пухов, который и подскажет мне, как поступить в образовавшейся ситуации... Отругает он меня, конечно, за то, что я влезла не в свое дело. А может, и сам заинтересуется?

Еще не поздно было вернуть эту несчастную кошку вместе с сумкой Елене Николаевне. Еще не поздно было вернуть билеты в Сургут и ограничиться общением с сестрой по Интернету. Еще не поздно было вернуться в свой привычный мир и погрузиться в мутный и теплый колодец своих фантазий и сюжетов...

– Хорошо, я это забираю и постараюсь сделать так, чтобы вещи попали в руки близких или родственников той девушки. Возможно, эта история на самом деле натолкнет меня на написание нового романа... Спасибо за чай, Елена Николаевна.

Кто говорил моим языком? Кто заставлял двигаться мои руки, когда я забирала кошку с сумкой и впихивала все это в пакет? Вероятно, тот, кто двигал и всем нашим непростым, затейливо сотворенным миром. И этот кто-то, вероятно, хотел, чтобы я оказалась втянута по уши в эту историю.

Что ж, хватит, наверное, жить словами, фразами, книгами и фантазиями. Пора поучаствовать в реальной жизни.

Я вернулась в машину и почувствовала, как сил у меня отчего-то прибавилось. И машина моя мчалась куда быстрее прежнего.

Володя уже поджидал меня дома. Как ни странно, но после нашего развода, вызванного рядом самых банальных причин (важнейшей из которых оказалась утрата чувств, во всяком случае, так было написано в составленном моим другом-адвокатом заявлении), наши отношения с Володей значительно улучшились. Мы начали гораздо уважительнее прежнего относиться друг к другу, позабыли многие обиды и стали более близкими и родными людьми. И тот факт, что мы жили теперь порознь, лишь усилил чувство ответственности друг за друга. Вот такой парадокс. Мы часто виделись, как могли, помогали друг другу, да и в гости или на какую-нибудь выставку, на концерт или в театр иногда ходили вместе. Когда Володя болел, я ухаживала за ним, возила ему лекарства, готовила еду, прибиралась в его квартире. Когда заболела я – а я болею всегда подолгу, мучительно, и мне просто необходимо, чтобы в это время обо мне кто-то заботился, – Володя терпеливо сносил все мои капризы, заставлял меня пить лекарства, делать ингаляции, полоскать горло, сам ставил компрессы, словом, был для меня самой лучшей нянькой. Я знала, что у него никого нет, что он по-прежнему всецело принадлежит мне, но вот хорошо это или плохо – так и не понимала.

Володя – следователь прокуратуры. Быть может, этим обстоятельством и объясняется выбор литературного жанра, в котором я работаю, – криминальные романы. Будучи посвященной во многие уголовные дела, которыми занимался мой муж, я, человек и без того увлекающийся и склонный к писательству, не могла пройти мимо такого богатого и реалистичного материала. Так появились мои первые рассказы, затем повести и романы. Это потом я поняла, что реальные дела зачастую гораздо менее интересны выдуманных... Но это – отдельный разговор.

Володя встретил меня вопросом:

– Ты что, на самом деле собралась к Милке в Сургут? Зачем тебе это?

– Я переживаю за нее. Она плачет, да и выглядит неважно...

– Она же беременная. Отсюда и внешний вид, и капризы... С беременными такое бывает. Она же не сказала тебе, что ей плохо, что ее не любят, что она хочет домой.

Он не хотел, чтобы я уезжала. Но теперь, когда мы больше не были мужем и женой и у меня появилось право поступать так, как мне хочется, его мнение интересовало меня меньше всего. Он всегда хотел, чтобы я сидела дома, чтобы ни с кем не общалась, не разговаривала по телефону, чтобы принадлежала только ему.

– Я так решила, – ответила я и прошла в кухню. Поставила на плиту кастрюлю с супом. – Ты мне скажи, я могу быть спокойна за обе наши квартиры – за Милкину и мою? Присмотришь? Только уговор! Не приводи сюда своих любовниц. Не оскверняй их присутствием мой дом.

– Полина!

– Я сказала!

– Да как тебе это вообще могло прийти в голову? Да у меня и нет никого!

– Да вот уж пришло как-то...

Я начала раздражаться. Быть может, это происходило потому, что я и сама уже не была уверена в том, что поступаю правильно, отправляясь на край света неизвестно зачем. Но дорожная сумка была почти собрана, билет куплен, плюшевая кошка с сумочкой убитой девушки требовали к себе внимания.

Я посмотрела на Володю: рассказать – не рассказать? Если расскажу – знаю наперед, что он ответит. Что я сама себе ищу на голову приключений. Что Сургут – это один город, а Тюмень, вместе со станцией Войновка, – я уже успела поинтересоваться – примерно в восьмистах километрах от Сургута, это около шестнадцати часов на поезде. Ну и что? Сургут – крупный город, Тюмень – тоже... Прогуляюсь, наберусь впечатлений. Может, ничего-то у меня и не получится с этой Надей – ни родственников ее, вероятно, я не найду, ни о сбежавших зэках не узнаю... Но придумать, домыслить

историю, рассказанную покойной уже Екатериной Андреевной, я смогу же! Я и не такие сюжеты выдумывала. Во всяком случае, подышу тем же воздухом, каким дышали герои моего будущего романа.

– Суп будешь?

– Буду. Но ты мне так и не ответила – ты едешь только ради Милки или у тебя есть еще что-то на уме?

И тут я, чувствуя, что не в силах больше молчать, принесла пакет и выложила на стол черную лакированную сумочку неизвестной мне девушки Нади и огромную кошку-подушку, набитую неизвестно чем.

– Что это?

Я рассказала. Все как есть.

– Полина, тебе это нужно? Две старухи три года мечтали от этого избавиться, а ты подобрала, взвалила на свои плечи ответственность... И чего ты хочешь?

– Найти семью этой Нади и вернуть им эти вещи. А заодно узнать подробности этого убийства.

– За впечатлениями, значит, собралась.

– Собралась.

– А ты в сумку-то хотя бы заглядывала?

– Нет! Когда? Я же только что приехала с Масловки.

– У тебя перчатки медицинские есть?

– Есть.

Я достала перчатки, две пары. Одну пару протянула Володе, вторую надела сама.

– Ты предполагаешь, что кто-то еще сможет заинтересоваться отпечатками пальцев на этих вещах?

– Мало ли... не хочу, чтобы ты наследила.

Володя занялся сумочкой, а я – кошкой-подушкой.

В сумочке, как мы и предполагали, оказались документы. Паспорт на имя Агренич Надежды Александровны, 1986 года рождения. Не замужем. Проживает (вернее, проживала) по адресу: Уренгой, микрорайон Мирный, дом 1, корпус 2, квартира 185.

– Будь она жива, ей было бы сейчас двадцать три года, – заметила я, рассматривая остальное содержимое сумочки.

Губная помада, пудра, носовой платок и масса так необходимых молодой девушке мелочей... Меня поразило отсутствие записной книжки. Быть может, моя ошибка заключается в том (о чем мне неоднократно говорит Володя), что я всегда и всех сравниваю с собой. Вот и с записной книжкой... Если у меня их несколько (а коли уж быть совсем точной, то восемь старых и одна совсем новая, с переписанными в нее самыми необходимыми записями и координатами), то и у других тоже должны быть записные книжки. Во всяком случае, в дорогу я непременно взяла хотя бы одну, ту, что посвежее. Мало ли что может произойти в пути, может, понадобится кому-то позвонить... Надя же Агренич, отправляясь, по словам Ревиной, в Москву, решила сжечь за собой все мосты.

– Да и в Москве у нее, по всей видимости, никого нет, –

словно прочитал мои мысли Володя, продолжая изучать паспорт.

– С чего ты взял?

– Если я еду в другой город, да еще такой огромный, как Москва, и я – Надя Агренич, простая девушка...

– Почему простая?

– Сумочка дешевая, косметика – тоже... – машинально прокомментировал он. – Так вот, я – Надя Агренич. Я должна иметь хотя бы один телефон или адрес на тот случай, если мне негде будет переночевать в столице. Я правильно рассуждаю? По-женски?

– У меня было бы с пяток адресов или телефонов, – согласилась с ним я. – Если бы я, конечно, запланировала эту поездку. И знала, что меня в Москве ждут. Однако я бы не стала напрягать своим визитом ни друзей, ни родственников – в одном случае...

– Если ты бы отправилась в Москву неожиданно, внезапно, так?

– Так. Но тогда зачем бы я взяла с собой эту старую кошку? Вот черт, никак не могу ее распороть... Придется взять лезвие. Нет, и зачем ей только понадобилась эта подушка?

– Поля, посмотри на меня...

Я подняла на Володю глаза. Конечно, я, сидя с тяжелой подушкой на коленях, не могла не понимать, что в ней что-то было, и лукавила, делая вид, что ничего не замечаю.

– Полагаю, здесь деньги, – наконец выдала я то, о чем ду-

мала с той самой минуты, когда только увидела эту подушку. – Много денег. И это объясняет отсутствие каких-либо адресов или московских телефонов. Она не собиралась останавливаться ни у московских друзей или родственников, если таковые, конечно, у нее были, с такой суммой...

С этими словами я рванула полураспоротые части плюшевой подушки в разные стороны и, запустив руку внутрь и потянув, достала тяжелый и плотный бесформенный сверток, набитый деньгами. Это были доллары. Много. Очень много...

Володя присвистнул.

– У тебя нюх, что ли, на деньги и на подобного рода истории? Теперь мне понятно, почему тебя заинтересовала эта женщина с ее бредовым рассказом об убитой соседке по купе.

– Я не знала, что здесь деньги, могла только предполагать. – Я смотрела, как Володя пересчитывает банковские пачки долларов.

– Очень странно! Девушку убили, а деньги не забрали?

– Не знали о них... Вернее, не знал. Он был один. Вроде бы какой-то сбежавший заключенный. Надя пошла в туалет, он схватил ее, затащил в тамбур, изнасиловал...

– И сколько же времени он ее насиловал? Ты говорила, что соседка не сразу спохватилась.

– Она упоминала, что Нади не было примерно полчаса. Она, скажем, зашла в туалет, на это тоже, как это ни стран-

но, уходит какое-то время. Потом она, допустим, умылась, почистила зубы... Да мало ли! К тому же она могла не сразу попасть в туалет, возможно, он был занят.

– Да, кстати! В туалете мог находиться как раз этот самый уголовник, – предположил Володя.

– Вот именно!

– Значит, по времени все вполне сходилось. Она выходит из туалета, на нее набрасывается уголовник, тащит ее в тамбур, насилует...

Мы посмотрели друг на друга. Вероятно, подумали об одном и том же.

– Он находился в таком состоянии... – начал Володя.

– Да уж, он не мог не нервничать!

– Но здесь два варианта – взаимоисключающих. Он мог – в силу своего психологического состояния – закончить свое дело быстро, очень быстро...

– Екатерина Андреевна сказала, что видела... пардон, голый зад... Думаю, что процесс затянулся.

– А что, если их было двое? Или трое?

– Но она видела только одного...

– Другой мог стоять за дверью.

– Ну... Я не знаю.

– Это можно проверить. Поля, может, ты все-таки останешься дома? А я сам займусь этим делом?

– Володя, если ты только посмеешь...

– Ладно... – Он придвинул ко мне вещи из сумочки Агренич. – Как хочешь. Телефон у тебя есть, звони. А с деньгами что будешь делать?

– Отдам их родителям Нади.

– Ну, скажи, зачем тебе все это нужно?

– Я хочу развеяться...

– И ты повезешь все эти деньги...

– ...в этой подушке? Да. Повезу. Как Надя.

– Но ведь ее убили! – воскликнул он.

– Ее убили случайно. Если бы ее пасли, зная, что она едет с деньгами, то убийца не ограничился бы только ее дорожной сумкой, а взял бы все вещи.

– Кстати, а где ее дорожная сумка?

– Ее нашли в купе у проводницы. Но там были только вещи, и все. Ни денег, ни документов, – объяснила я.

– А как же определили, что это именно ее вещи?

– Сначала просто предположили, а потом их опознала ее мать. Так вот, я продолжу. Если бы убийца знал, что у нее есть деньги, он бы, не найдя их в сумке, обшарил все купе. Но я так поняла, что он не знал ничего о Наде. Убив ее, он просто решил изъять из купе все ее вещи, чтобы о ней никто и не вспомнил.

– Все пассажиры регистрируются... – напомнил он мне прописную истину.

– Она могла ехать с разрешения проводницы, – сказала я.

– Сумку ты тоже возьмешь?

– Да, ее я тоже верну родителям.

– Ты – сумасшедшая!

– Нет, просто мне интересно. Да и встряхнуться нужно...

И Милка меня ждет.

– Но она живет в Сургуте!!! – вдруг заорал Володя. – А не в Новом Уренгое!

– Не кричи... Все решено.

С этими словами я принялась укладывать руками, затянутыми в резиновые хирургические перчатки, деньги обратно в «кошку». Восемьдесят тысяч долларов.

– Посадить тебя, что ли? Чтобы ты никуда не уехала!

– Зато ты понял главное – я еду не к мужчине... – сказала я, что думала. Знала, что Володя ревнует меня ко всем подряд.

– Лучше бы ты поехала к мужчине... – в сердцах воскликнул он. – И не буду я есть твой суп!..

В ту ночь я плохо спала. Все думала-думала, как так могло произойти, что девушку убили, а деньги, целых восемьдесят тысяч долларов, оставили? Не заметили. Причина могла быть только одна – ее убийца ничего не знал о том, что Надя везла деньги. Так сложились обстоятельства.

И еще. Почему Екатерина Андреевна не распоролa «кошку» и не посмотрела, что там внутри? Неужели ей было совсем не любопытно? Я уже представила себе, как две подружки-соседки – Екатерина Андреевна и Елена Николаевна – рассматривают подушку, ощупывают ее... Невозможно было не догадаться, что в подушке деньги. Гибкие мягкие пачки... Может, они сразу это поняли и поэтому подумали, что влипли в опасную историю, вот и решили обратиться ко мне за помощью. Ко мне, как к нейтральному лицу. Но с тех пор, как Екатерина Андреевна подошла ко мне, прошло целых три года! За это время в ее жизни столько всего произошло... Она, вероятно, постоянно ссорилась со своей внучкой, переживала по поводу того, что ее хотят выжить из квартиры. И она, эта честнейшая женщина, вместо того чтобы распороть подушку и присвоить себе эти деньги (тем более что их хозяйки уже не было в живых), а потом найти себе более безопасное место, чтобы спокойно жить, не боясь, что ее упекут в психушку, а то и вовсе отправят на тот свет,

так и продолжала ждать меня? Но почему? Ответ был один – страх. Она боялась, что когда-нибудь кто-нибудь вычислит, с кем эта Надя ехала в одном купе, и этот кто-то появится и отберет у нее деньги, а ее саму – убьет. Как убили Надю. Этот же страх она передала словно по наследству и своей подруге – Елене Николаевне.

Вот они сидят в кухне, пьют чай и говорят об этих деньгах, рассуждают, как им лучше поступить... Вероятно, смотрят по телевизору все передачи, связанные с криминалом, примеривают свою ситуацию к услышанному и увиденному и спорят, анализируют, предполагают... И снова прячут подушку в шкаф.

Почему она больше не подошла ко мне ни разу в течение этих трех лет? Побоялась, что я приму ее за сумасшедшую? А что, очень может быть, что именно так я бы и подумала.

Под утро я решила, что хватит уже ломать голову о том, что было. Требовалось спланировать мои действия по приезде в Сургут. Конечно, первые несколько дней я проживу у Милки, разведая обстановку, решу, стоит ли ей там оставаться. А уж потом, когда все выяснится и, как мне подсказывала интуиция, я пойму, что с Милкой все в порядке, вот тогда-то я и соберусь прокатиться на поезде до Тюмени, до станции Войновка. По пути попытаюсь поговорить с проводниками, может, что и услышу об убийстве проводницы и неизвестной девушки.

Если бы не подушка, набитая деньгами, я бы еще сомневалась в правдивости рассказа Екатерины Андреевны, но теперь я была уверена, что девушка Надя, ее попутчица, действительно существовала, а не пригрезилась ей...

Утром я приняла душ, выпила кофе, быстро собралась и хотела было уже вызвать такси, как приехал Володя. Неожиданно.

– Я знаю, что у тебя еще есть время до выезда. Ты не бойся, я тебя подкину до Внукова. Сколько часов до Уренгоя?

– Что? Что ты сказал? До какого Уренгоя? – Я с удивлением посмотрела на Володю. – Вообще-то я лечу в Сургут!

– Ну, конечно, в Сургут! Я оговорился, что тут такого? Просто я до самого утра занимался твоим делом, все узнавал, наводил справки, обзванивал коллег...

– Ладно, проходи, – смилостивилась я. – Кофе выпьешь?

– Выпью. Значит, так. Мы с тобой не выяснили, когда именно, какого числа могло произойти это убийство... Но я все узнал. Надежда Агренич, жительница Нового Уренгоя, вышла из дома 20 февраля 2006 года и не вернулась. Ее мать обратилась в милицию, девушка была объявлена в розыск. Но в поезде, следующем из Уренгоя в Москву, случилось убийство проводницы Шитиковой Людмилы Ивановны, и нашлись свидетели, ехавшие в этом же вагоне, видевшие девушку, по описанию похожую на Агренич. У девушки в большом прозрачном пакете была мягкая игрушка – плюше-

вая кошка. На полу в тамбуре обнаружили кровь девушки (была проведена экспертиза, эту кровь сравнили с кровью на носовом платке Агренич, который предоставила ее мать), и Надю признали убитой... Правда, ее труп так и не нашли.

– Это мать сказала, что Надя поехала в Москву?

– Да.

– И мы теперь знаем, в какой именно поезд села Агренич?

– Больше того, я принес тебе некоторые сведения... Вот, – Володя сунул мне в руки листок с каким-то списком и другие бумаги. – Список пассажиров того поезда, в шестом вагоне которого, на месте номер девять, была зарегистрирована пассажирка Ревина Екатерина Андреевна.

– Если Агренич... – я пробежала глазами список, – если ее здесь нет, то утверждение, будто бы ее убили, строится лишь на свидетельских показаниях пассажиров этого вагона?

– Да, в деле фигурирует и упоминание о большой плюшевой кошке, – заметил он.

– И плюс анализы крови с площадки тамбура? – спросила я.

– То есть если ее изнасиловали перед тем, как сбросить с поезда. И, возможно, чтобы она не оказывала сопротивления и молчала, ее ударили по лицу... Думаю, что это кровь из ее носа или других, нанесенных ей преступником ран. В тот же день из колонии строгого режима поселка Локосово Сургутского района сбежали трое заключенных. Вот их фамилии: Опарин Никита Владимирович, Флорский Григорий Ильич

и Репко Роман Яковлевич. Репко подстрелили при побеге, труп Опарина нашли на насыпи железнодорожного полотна неподалеку от Тюмени, а вот Флорскому, вероятно, удалось сбежать.

– А что произошло в поезде? Есть какие-нибудь сведения?

– В том-то и дело, что есть. В ту ночь, 20 февраля, в поезде, следующем из Нового Уренгоя в Москву, как я уже сказал, была убита проводница Шитикова. Но ее не просто убили.

– Что, неужели и ее изнасиловали?

– Ее ограбили. Дело в том, что услугами проводников, как тебе известно, часто пользуются частные лица – для передачи каких-то документов, посылок... Проводницы на этом немного зарабатывают. На этот раз у проводницы при себе была крупная сумма, но какая именно – об этом следствие информацией не располагает. Представитель фирмы, поручивший Шитиковой довести сумку, набитую деньгами, в Москву, не назвал точную сумму. Директор же этой фирмы вовсе не уверен, что его заместитель, тот самый, которому было поручено отправить деньги через проводницу, не присвоил эти средства себе. Словом, это довольно-таки темная история. Главное, что тот человек, которому адресовались эти деньги, их не получил. Он звонил в Уренгой, кажется, угрожал тем, кто задолжал ему крупную сумму... А потом вся эта история затихла. Возможно, что эти деньги бы-

ли украдены когда-то кем-то, или же их везли в Москву для лиц, не желавших светиться... Предположим, это была взятка. В любом случае если бы эти деньги являлись, предположим, платой за какую-либо важную услугу или оплатой за какой-то товар, то гораздо проще и не так опасно их можно было бы переправить в Москву простым банковским переводом. Однако люди, отправлявшие их, рисковали, поручая такой ценный груз проводнице.

— Получается, что в тот самый момент, когда в поезде оказались сбежавшие уголовники, в вагоне находились люди, имевшие при себе крупные суммы денег. Надежда Агренич с подушкой-кошкой, набитой восьмьюдесятью тысячами долларов, и проводница, хранившая в своем купе посылку, тоже с немаленькой суммой. И неизвестно, что еще пропало у этой проводницы.

— Не думаю, что у преступника было время распаковывать все пакеты и передачи. Все-таки он рисковал, поскольку в любое время к проводнице мог заглянуть кто угодно.

— Но деньги он таки нашел, — заметила я.

— Тоже не факт. Деньги могли исчезнуть еще до того, как они попали в купе к проводнице.

— В смысле?

— Человек, который должен был передать проводнице деньги, мог присвоить их себе.

Да, он прав. Мало ли на свете нечистых на руку подчиненных.

– Да... Если к этой краже имел отношение заместитель директора фирмы, то ограбление поезда ему было на руку. Володя! Как много ты успел всего выяснить!

– Я тебе больше скажу. Мне пришлось подстраховаться. Дело в том, что у моего коллеги, Сашки Смирнова, ты его знаешь, друг работает в Тюмени, в прокуратуре. Его зовут... Вот, постой, здесь в бумагах все записано: Дмитрий Алексеевич Бобров. И телефоны, телефоны... Свяжешься с ним. Его уже предупредили.

– И что? – Я расплылась в улыбке. – Вы предупредили его, что туда, к ним, к черту на рога, едет одна сумасшедшая писательница, которой до всего есть дело? И которая хочет вернуть деньги близким и родным убитой Надежды Агренич?

– Не знаю, что Сашка сказал Дмитрию, но я ему объяснил, что у тебя масса дел в Тюмени и Уренгое и что тебе, быть может, понадобится помощь и поддержка.

– Ну и ладно... Думайте обо мне все, что хотите.

– Я, конечно, буду о тебе думать. И переживать. Я не хочу, чтобы ты туда ехала. Да к тому же еще и с деньгами... Да! Кстати, ты задекларировала эти деньги?

– Боже, нет!!!

– И ты собралась лететь? Хотя постой... Ты же не за границу летишь... И все равно, Поля, не думаю, что тебе стоит так рисковать и тащить с собой эту подушку с наличными.

И тут я поняла, что он совершенно прав. Я могу взять

только подушку, чтобы предъявить ее родителям Надежды, а деньги могут спокойно полежать себе в банке.

– Володя, ты – гений! На самом деле. Вот... Сейчас я снова распорю подушку и отдам эти деньги тебе. И ты положишь их на мой банковский счет. Надеюсь, все данные у тебя еще сохранились?

– Конечно. Давай, я все сделаю, а ты сядь, успокойся и все хорошенько обдумай. Ничего не забыла?

– Подарки Милке везу, целый чемодан. Целую сумку конфет и шоколада. Я же не знаю, как там у них, на Севере...

– Документы?

– Документы все взяла. Ноутбук, как видишь, тоже... Хотя я еду туда не работать, а отдыхать и попутно собрать материал для будущего романа.

Мы вытряхнули деньги из подушки, Володя уложил их в пакет и спрятал в спортивную сумку, а подушку, вернее, просто плотную плюшевую наволочку, я аккуратно сложила в свою сумку.

– Ты мне вот что скажи – ты собираешься выяснить, кто убил Агренич? – спросил меня Володя прямо в лоб. – Это то, ради чего ты и собралась к черту на рога?

– Пока еще не знаю. Может, я просто хочу сменить обстановку, подышать тамошним воздухом... представить себе декорации будущего романа.

Я видела, как он переживает, как не хочет, чтобы я уезжала из Москвы, но поделать уже ничего не могла. Во-первых, я уже все для себя решила, во-вторых, я теперь просто обязана была вернуть родителям Нади Агренич деньги, а в-третьих... Я же ехала навестить свою сестру!

Обратного хода просто не существовало. Володя довез меня до аэропорта, проводил до посадочной линии, и я, наконец-то оставшись одна, могла самостоятельно все осмыслить. Без багажа, с легкой сумочкой на одном плече и тяжелым ноутбуком на другом, я расположилась за столиком с чашкой кофе и разложила все предоставленные мне Володей материалы. Создала файл, который так и назвала: «Материалы Уренгой», и внесла в него все то полезное, что могло сослужить мне хорошую службу в моем расследовании. Главными были фамилии сбежавших уголовников: «Опарин Никита Владимирович, Флорский Григорий Ильич и Репко Роман Яковлевич. Репко подстрелили при побеге, труп Опарина нашли на насыпи железнодорожного полотна неподалеку от Тюмени, а вот Флорскому, вероятно, удалось сбежать...» Кто изнасиловал и убил Надю Агренич: Опарин, чей труп оказался неподалеку от Тюмени, возможно, как раз поблизости от станции Войновка, или же, возможно, оставшийся в живых Григорий Флорский? Если убийца – Опарин, то и дела-то никакого нет – он уже наказан высшим судом. Если же Флорский... Кто он такой? Чем занимался до тюрьмы и за что его осудили?

Словом, мне было о чем подумать.

Она не сразу поняла, что произошло. Стояла с трубкой в руке и смотрела на свое отражение в синем ночном окне своей комнаты. Она слышала, как работает швейная машинка в гостиной – мама шила, несмотря на поздний час. У нее была какая-то срочная работа. И мама тоже, вероятно, не поняла бы вот так, сразу, что произошло в ее жизни, если бы ей позвонили и сказали все те слова, что услышала сейчас Надя. И не потому, что они с матерью такие глупые, нет. Все гораздо сложнее. Просто эти слова не хотели проникать в мозг. Они словно бы зависли в воздухе, наполовину как бы застряли в трубке телефона... Что, что он сказал? Это был точно его голос, его невозможно ни с кем спутать. Значит, это был все-таки он. Да и имя его высветилось на дисплее. «Егор». Так что же он сказал?

– Привет, Надя. Все кончено. Я люблю другую. Ты ее знаешь. Не могу больше обманывать себя и тебя. Извини, что не смог сказать об этом вот так прямо, тебе в лицо... не хватило сил. Прости, если сможешь.

Вот теперь эти слова начали как-то быстро всасываться в сознание, в сердце, в душу, как яд, оставляя после себя выжженный след...

Он любит другую. Он любит Стеллу, ее самую близкую

подругу. Они же всегда были втроем – Надя, Стелла и Егор. Повсюду ходили вместе: в клубы, дискотеки, бары, на ту-совки и вечеринки, на дни рождения их общих знакомых... Только Стеллу они потом провожали домой (если не находилось другого провожатого), а затем Надя с Егором шли к нему, где Надя и оставалась до утра... Они собирались пожениться. Они были счастливы.

– Надя, что ты повсюду таскаешь за собой эту Стеллу? – часто говорила мама, думая о чем-то своем и понимая в этой жизни куда больше, чем Надя. – Она же влюблена в твоего Егора, неужели ты не видишь?

Может, она и была влюблена, но Наде-то какое до этого было дело?

– Между прочим, она страдает рядом с вами, тебе ее не жалко? Или ты получаешь удовольствие от того, что мучаешь ее?

Надо же, мама заботилась о Стелле!

– Добром это не кончится. Когда-нибудь случится так, что ты недосмотришь, недоглядишь, и Егор воспользуется ее готовностью занять твое место.

Откуда ей это было известно? Может, и в ее жизни тоже такое случалось? Но во многом она была права, ее мама. Да, Наде было приятно, что Егор не замечает находившейся рядом с ними красивой Стеллы. Что он разговаривает только с Надей, что танцует только с ней, что домой приводит и остав-

ляет у себя только Надю. А Стелла у них как сопровождающая, как фон, как тень...

Все те месяцы, что она была с Егором, казались для нее весенними. Она не замечала жгучего мороза, снега, ветра, она, как пьяная, ходила, взявшись за руку Егора, и готова была смеяться, плакать, петь или танцевать, до того ей было хорошо, до того она была счастлива.

Она, простая кассирша из транспортной компании, стала девушкой такого интересного, интеллигентного парня, талантливое программиста и вообще разносторонне развитого человека! Они и познакомились-то красиво, не так, как это делали ее подружки – на танцах, в клубах, на вечеринках... Она покупала котенка у одной женщины, неподалеку от цветочного магазина. За рубль. Чисто символическая цена за нежное трехцветное (белое с рыжим и темным) пушистое существо с мутными серыми глазами и розовым носиком. Рядом с ней остановился высокий молодой мужчина в ветровке и, увидев Надю, сказал, что она похожа на одну из натурщиц известного художника. Он озвучил и фамилию художника, и название картины, да только Надя ничего не запомнила. Она оробела, ей было приятно внимание такого красивого молодого человека, да и голова отчего-то у нее закружилась. А через несколько минут они уже вместе входили в цветочный магазин, и Егор – так его звали – подарил ей большой букет дорогих роз... Потом Егор пригласил ее в ка-

фе, они пили кофе, говорили о многом и ни о чем, рассматривая друг друга. Надя, поглаживая заснувшего у нее на коленях котенка, спрашивала себя, последует ли за этим продолжение. Захочет ли Егор увидеть ее еще раз или ему окажется достаточно одного вечера, чтобы понять, что она ему интересна? Надя сама про себя знала, что ничего особенного в ней нет. Разве что внешность. Треугольное скуластое лицо с узким подбородком, большие и длинные, как темные рыбины, глаза с густыми гладкими бровями и каштановые, коротко стриженные и очень послушные волосы. Маленький нос, маленький рот, который она всегда красит вишневого тона помадой. Еще – кожа. Стелла всегда завидовала ее нежной розовой коже, а еще – румянцу на ее скулах.

Она дочь простой портнихи – семья у них небогатая. Живут не в самом престижном районе. Стремления учиться у Нади никогда не было. Она работала кассиром на одном транспортном предприятии, а в свободное время помогала маме шить. Как и все девушки ее возраста (Наде недавно исполнилось двадцать лет), она мечтала выйти замуж за красивого и богатого парня, рожать и воспитывать детей и нигде не работать. Так что планы ее, как и сама жизнь, были простые и ясные. Ничего особенного.

У нее и раньше были приятели, но отношения с ними получались либо чисто дружеские, либо складывались лишь на одну ночь. Разовые. Замуж ей выйти никто не предлагал, и не потому, что она была недостойна замужества, просто те

парни, с которыми она встречалась, не торопились связывать себя женитьбой и старались поскорее отделаться от открытой и прямолинейной Нади, которая не скрывала от них своих жизненных целей. Им хотелось поскорее закончить учебу и устроиться на какое-нибудь хорошее место, непременно в «Уренгойгазпром». Вот после этого можно и жениться...

Егор же мечтал открыть свою фирму по программному обеспечению и множество интернет-кафе в поселках и деревнях, словом, он был далек от проблем добычи газа, и Наде это почему-то понравилось. Да, он был не такой, как все, а это всегда привлекает.

Он позвонил ей на следующий день, они снова встретились в том же кафе, и на этот раз Егор вновь был с цветами. Он сказал Наде, что никогда еще не встречал такой красивой девушки, что Надя – просто драгоценность. Вот так просто и сказал.

Конечно, ей не терпелось поделиться своими переживаниями и впечатлениями с подружкой Стеллой. Она встретилась с ней через два дня после ее знакомства с Егором.

– Стелла, ты представить себе не можешь, какой это парень! Высокий, красивый, умный! Компьютерщик! Меня цветами завалил! – Она сияла от счастья. – Мы познакомились с ним, когда я покупала вот это чудо...

Они со Стеллой сидели на диване в Надиной комнате, котенок, которого Надя назвала Симой, спал на подушке. Стел-

ла, слушая рассказ Нади, сплетала и расплетала свои длинные холеные пальцы. В отличие от Нади, Стелла была высокой натуральной блондинкой, предпочитала бледные пастельные тона во всем – и в одежде, и в косметике. Она работала парикмахером в салоне красоты, хорошо зарабатывала, водила дружбу с богатыми клиентками, но эта дружба ограничивалась лишь телефонными разговорами да профессиональным интересом. В жизнь своих клиенток она не лезла, знала свое место. Личные обстоятельства ее тоже отличались от Надиных. Если Надя чуть ли не в первую встречу объявляла своему ухажеру, что она девушка серьезная, хочет выйти замуж и завести детей, то Стелла была прямой противоположностью Нади. Она умела поддерживать близкие отношения сразу с несколькими любовниками, встречаясь то с одним, то с другим, не напрягая их своими жизненными принципами, да и вообще к жизни она относилась легко, весело. Правда, на нее часто накатывали приступы меланхолии, и тогда Надя понимала, что тот образ жизни, что ведет ее подруга, – это совершенно не то, чего сама Стелла ждет от жизни. Что она тоже, вероятно, не прочь встретить нормального, любящего ее парня и перестать метаться между своими любовниками, не понимая, чем все это может закончиться.

– Я рада за тебя, – сказала Стелла, выслушав эмоциональный рассказ Нади. – Повезло тебе, что ты встретила такого парня! Надеюсь, он не женат?

– Не похоже... – ответила Надя и вдруг подумала, что она

совершенно не знает Егора. А вдруг у него есть жена, дети?

– А ты паспорт его посмотри, все и узнаешь, – как можно равнодушнее сказала Стелла. – А котенок – просто прелесть!

Потом она повернулась, увидела две вазы, наполненные розами.

– И розы – просто роскошные. Я рада за тебя, подружка.

– А у тебя как дела?

– Я беременна.

– Как, снова?

Стелла беременела по глупости, как считала Надя. То таблетки перестанет пить, то неправильно высчитает свой цикл. На аборты Стелла шла с такой же легкостью, как на работу. Спокойно, не волнуясь, как все нормальные девушки.

– Ты что, совсем не боишься боли? – спрашивала Надя, провожая ее в больницу. – Идешь себе спокойно... Ничего не боишься! А вдруг у тебя больше детей не будет? Сколько раз уже тебе все там скребли-чистили...

– Значит, не судьба, – отвечала Стелла, хмурясь. – Конечно, я сама во всем виновата. Положилась на Венечку, а он... Ладно, проехали. Сейчас приду туда, посплю немного, потом, как позовут, укольчик сделают, я и отключусь... Говорят, раньше больно было, когда все по живому делали, а сейчас... Открываешь глаза, а ты уже в палате – лежишь себе, в окошко смотришь.

– Дура ты, Стелка. И мне тебя ужасно жалко...

Надя на самом деле почти ревела, когда «сдавала» подру-

гу на руки знакомой врачихе. На следующий день Надя приходила, забирала Стеллу, отвозила домой и находилась с ней все то время, что Стелла мучилась от боли.

– Ну, скажи мне, пожалуйста, зачем тебе этот Венечка? Или Славик? Они же просто так с тобой... время проводят.

– А я? Разве я с ними время не провожу? Знаешь, мне иногда кажется, что жизнь моя, как лодка, покачивается на волнах... И ждет, что однажды на горизонте появится большой корабль и... потопит меня. Или – что я стану его частью. И мы вместе выйдем в открытое море...

– Дура ты, Стелка, – произнесла Надя свою любимую, полную заботы и нежности к подруге фразу.

– А ты – не дура? Время идет, а ты даже удовольствие не научилась получать от мужиков! Вешаешься им на шею, все замуж просишься... Не просись. Если кто в тебя влюбится – сам предложение сделает.

– А ты откуда знаешь?

– Да это же так просто! Если парень тебя любит и жить без тебя не может, то единственное, что он может сделать, чтобы не потерять тебя, – это жениться. А пока тебе не встретился такой – живи на полную катушку. Развлекайся. Набирайся опыта. Я тебе правду говорю!

Через неделю Надя познакомила Стеллу с Егором. Они вместе отправились в ресторан, посидели, хорошо так, душевно поговорили. Надя видела, что Стелле Егор нравит-

ся. Да он и не мог не понравиться. В тот вечер он выглядел необыкновенно элегантно – темный костюм, красиво уложенные волосы, золотой перстень на мизинце правой руки. И этот совершенный мужчина расточал комплименты только Наде, старался при каждом удобном случае поцеловать ей руку или коснуться своей щекой ее щеки. Подливал ей вина в бокал, ухаживал за ней за столом и вообще вел себя так, словно и не замечал Стеллу, словно ее и не было с ними. Наде показалось даже, что это не совсем вежливо по отношению к ее подруге. Но, с другой стороны, может, он таким образом хотел подчеркнуть, что ему неинтересны какие-то там красивые блондинки и что он не такой мужчина, который при виде девушек теряет себя и не может не обращать на них внимания.

Стелла же, напротив, всячески пыталась обратить на себя его внимание, она шутила, рассказывала анекдоты и, казалось, совершенно не обижалась на Егора.

После ужина Стеллу отправили на такси домой, а Егор пригласил Надю к себе. Они приехали в холостяцкую, но довольно-таки чистую и уютную квартиру, забитую электроникой, и там, вместо того чтобы говорить о любви и восхищаться Надей, Егор вдруг стал рассказывать ей о своих грандиозных проектах, показывать эскизы будущих игр, которые он начал придумывать со своим московским другом-программистом... А ей хотелось, чтобы Егор поцеловал ее и сказал, что он полюбил ее с первого взгляда, что он всю жизнь искал

девушку, такую, как Надя...

Далеко за полночь он вдруг спохватился, посмотрел в ее покрасневшие воспаленные глаза и спросил, не ждет ли ее кто дома, на что услышал – нет, она предупредила маму, что вернется поздно...

– А может, ты совсем не вернешься сегодня? – Он вдруг обнял ее и поцеловал. – А? Надя?

Она вспомнила слова Стеллы о том, что невозможно всякий раз разыгрывать из себя добропорядочную девушку, тем более что этого все равно никто не ценит, и что Егор – если полюбит ее – все равно женится на ней, а если нет, значит, он ей и не нужен, а потому она согласилась остаться с ним на ночь. В сущности, она поступила так, как делают тысячи девушек, а потому не успела даже испытать чувства стыда за этот свой шаг....

В ту ночь Надя поняла, что она влюбилась в Егора окончательно и что теперь она будет зависеть от него, от его желания видеть или не видеть ее, вообще от всех его желаний. С одной стороны, она почувствовала себя счастливой, а с другой – испугалась этой зависимости, этой несвободы, словно предчувствуя, что за этими сильными чувствами стоят и страдание, и боль, и разлука, и разочарования... Лежа рядом с ним, прижавшись щекой к его теплему плечу, она на какой-то миг испытала целую гамму чувств, какие ей еще только предстояло испытать... Ей даже захотелось плакать.

– Знаешь, это как сон... – начала она выражать вслух свои

чувства. – В детстве мне иногда снилось, что я нашла клад: я любовалась сверкающими сокровищами и понимала, что они – мои, что я могу их потрогать... Я гладила их руками, я наслаждалась их блеском, и вот когда наконец я хотела взять, забрать их и уложить в сумку или в мешок, то именно в этот момент я просыпалась. Этот сон словно дразнил меня в течение многих лет. Егор... А ты, ты? Ты ведь не исчезнешь?

– Хочешь сказать, что я – твоё сокровище? – Он обнял ее и поцеловал в макушку. – Это ты – мое сокровище, понимаешь? Ты – прелестная, красивая девушка, которую надо любить и любить...

Она просто млела от его слов и тогда уже словно знала, что этой порции счастья, которой она сейчас обладает, ей хватит на всю ее оставшуюся жизнь. И что даже если Егор бросит ее (а об этом она не переставала думать никогда), то все равно в ее жизни останутся воспоминания об этом счастье и о той радости, которую она испытывает, находясь рядом с ним.

События развивались быстро. Они начали встречаться уже каждый день, и Егор даже предложил ей переселиться к нему.

Мама, каждый раз провожая Надю на свидание и слыша, как та договаривается о встрече одновременно с Егором и минутой спустя со Стеллой, снова и снова повторяла свой вопрос:

– Зачем тебе Стелла? Неужели для того, чтобы доказать

самой себе, что из вас двоих он предпочитает тебя? С огнем играешь, Надя!

Иногда Надя слушалась маму и не приглашала Стеллу, но иногда, когда ей хотелось продемонстрировать перед подругой свое счастье и удивить ее тем, как нежно и заботливо относится к ней ее жених, она звонила и приглашала ее.

Стелла же была благодарна Наде за то, что та водила ее с собой в кино, в рестораны, и в доказательство своей признательности она потом подолгу анализировала увиденное ею свидание в подробностях, говорила то, что хотела услышать Надя:

– Да, Надя, он – удивительный! Я никогда прежде не встречала такого галантного и интеллигентного человека. Когда он говорит с тобой, у него, по-моему, даже голос немного дрожит, так он волнуется... Он любит тебя, это видно, это чувствуется... А еще – он какой-то необыкновенно сильный, скажи? От него исходит некая внутренняя сила. Господи, Надька, как же я за тебя рада! И ведешь ты себя правильно, не играешь с ним в кошки-мышки. Вы оба – взрослые, и вам просто необходимо понять, подходите вы друг к другу в определенном смысле или нет. Могу себе представить, какой он нежный с тобой в постели! Нежный и сильный...

Наде тогда показалось или нет, что у Стеллы заблестели глаза? Стелла, не пропускавшая ни одних штанов, в то вре-

мя вела себя так, словно у нее и мужчин-то не было вовсе. Скромненько так сидела в стороне, наблюдала за влюбленными и – Надя знала – даже не включала телефон, чтобы не приходилось отвечать на звонки своих многочисленных ухажеров. Словно в ее жизни была только Надя с ее радостями и волнениями.

Конечно, Надя ждала, когда сам Егор ее спросит – почему они повсюду таскаются со Стеллой, но Егор так никогда этим и не поинтересовался. Может быть, думалось тогда Наде, он считал, что Стелла не мешает им, поскольку у них с Надей вся ночь впереди, у них вполне достаточно времени и возможностей побыть вдвоем, или, вероятно, ему просто было приятно находиться в компании двух красивых девушек.

Так прошло несколько месяцев в этом полуобморочном счастливейшем бреду. Она обожала Егора, боготворила его. Она видела в нем все только самое хорошее. Он ни разу не дал Наде повода усомниться в его чувствах. Они строили планы на будущее. Выбирали в магазине свадебное платье. Присматривали новую мебель для спальни. Мечтали о детях. Кажется, и мама как будто успокоилась, да и Стелла от них поотстала, закружилась в романе с новым парнем. И ее стало как бы не хватать. И Надя поняла наконец, что произошло. Они с Егором остались без зрителя. Без благодарного и чувствительного зрителя, который смог бы оценить со стороны развивающиеся отношения влюбленных.

Через два дня назначили дату ее окончательного переезда к Егору. У порога стоял багаж, а во всей квартире чувствовалась атмосфера близких перемен... Мама ходила с заплаканным лицом и говорила, что не представляет себе, как это она теперь будет завтракать или ужинать совсем одна. Что ей теперь даже и поговорить-то будет не с кем! Мама собрала и уложила в большую коробку приданое – постельное белье, сервизы, комплекты столового греческого мельхиора, какие-то подушки, одеяла...

...Надя заглянула к матери. Та сосредоточенно строчила что-то белое в темный горошек. Платье для клиентки. О чем думает она сейчас? Вряд ли об этом платье. Скорее всего, мама представляет себе будущую жизнь своей единственной дочери.

– Ма... – позвала ее слабым голосом Надя. Позвала и испугалась, что сейчас ей предстоит сообщить матери что-то страшное и непоправимое, как смерть.

Мама обернулась и посмотрела на дочь долгим внимательным взглядом...

– Ма... Стелла его увела... увела...

Она бросилась к матери и, захлебываясь в слезах, сбивчиво пересказала все то, что услышала по телефону от Егора.

Они встретили меня вместе – Тихий и Милка. Пара воркующих голубков. Милка – в мехах, красивая, с сияющими глазами.

– Ну вот, – она стиснула меня в своих объятиях. – Теперь – полный комплект. Теперь у меня есть все для полного счастья! Как долетела, сестренка? Тихий, подойди, поцелуй Полю, не отравишься...

Красавец Тихий слегка приобнял меня и чмокнул куда-то в воротник. Он был розовый почему-то, словно ему было за что-то стыдно. Может, за то, что он украл у меня сестру и стал причиной ее невероятной полноты? Или он от природы такой розовый и стеснительный? А почему бы и нет? Ведь есть же в нем нечто такое, что заставило мою гламурную сестрицу покинуть все московские тусовки-клубы разом и отправиться в такую даль...

Они жили в большом новом доме, неподалеку от соснового бора. В доме было тепло и пахло новыми вещами, мебелью.

– Милка, – успела я шепнуть ей, когда нам удалось на пару минут остаться наедине, – ты зачем панику разводишь? Почему плачешь и хлюпаешь в трубку?

– Я в трубку не хлюпала... Просто настроение было такое – застрелиться и не жить.

– Но почему?

– Да потому что я дома совсем одна.

– Это – единственная причина?

– Да!

– Не знаешь, чем себя занять?

– Нет. Я уже все перепробовала. То готовить училась. По пять блюд разом. Все их выставлю перед Тихим, сяду напротив, кулачками щеки подпираю, жду, что сейчас мой муж набросится на еду... А он смотрит на мои разносолы и говорит: молока, говорит, с хлебом хочу. Тюрю такую, представляешь?! Это у него еще с детства осталось. И что мне делать? Вываливать или выливать все эти холодцы-рулеты-борщи ему на голову?

– Ты что?! Ладно, потом поговорим...

Милка накрыла на стол – салаты, запеканки, пироги... Она на самом деле сильно изменилась. И не столько внешне, сколько, конечно, внутренне. Ее словно приручили, как дикое животное.

Мы сидели за столом, накрытым красивой белой скатертью. Я любовалась дорогим лиможским фарфором и спрашивала себя: и когда это моя сестрица успела превратиться из неприспособленного к жизни юного избалованного существа в ухоженную, аккуратную и понимающую толк в ведении хозяйства послушную клушу? Вероятно, за то время, что она обживала этот красивый и уютный дом.

– Хочешь в Москву? – спросила я ее, когда Тихий (вообще-то его зовут Сергеем) вышел из комнаты, чтобы подремать немного после обеда. Это был субботний день – святое время для отдыха и домашних дел.

– Как это – в Москву? Ты что? У нас тут дом, – Милка обвела рукой пространство. – Представляешь, сколько сюда вложено сил, души? Мы же каждый сантиметр дома обдумывали вместе – какой тон стен, какой паркет, а мебель?! Сколько каталогов перерыли, сколько магазинов объездили!

– Разве дело только в доме? Любой другой мужчина, которого бы ты выбрала в Москве, построил бы тебе дом не хуже этого... В чем дело, почему именно Тихий?

– Я люблю его. А он – меня. Вот тебе и вся правда. Просто у него много работы, выше головы... А я тоскую по нему. Не знаю, чем себя занять. На работу идти смысла нет, все равно же скоро в декрет. Вот я и маюсь...

– А ты фильмы хорошие смотри, книжки читай... Подружки у тебя есть?

– Нет. И не хочу! Они все будут смотреть на Сережу. А я – ревновать. Я уже знаю! Мы же бываем вместе на каких-то корпоративных вечеринках...

– Мила, но ты же никогда не была ревнивой!

Я не узнавала свою сестру.

– Не была... Я вообще была другой, а сейчас я понимаю всех своих подружек-дур, которые ревновали своих парней... понимаешь, я боюсь его потерять. А теперь еще, когда

у меня будет ребенок и когда у нас с Сережей все так замечательно, я тем паче боюсь, что он перестанет обращать на меня внимание.

– Мила!

– Нет-нет, ты не подумай, у меня нет ни одной веской причины для ревности или для переживаний. Я все это сама себе придумываю, понимаешь? А иногда мне бывает так хорошо, что даже голова кружится, и я спрашиваю себя: «Мила, что это?»

Я успокоилась. С сестрой было все в порядке. Мы провели целый день в разговорах, иногда к нам присоединялся Сережа. Он на самом деле оказался очень милым, заботливым, он даже плед мне принес, когда мы с Милой устроились на большом широком диване, набитом гусиным пухом, перед камином. Мы смотрели, как в камине пылают огромные поленья, и огонь завораживал нас, мы даже забывали, о чем говорили...

– А ты как? Не пожалела, что разошлась с Володей? – спросила Мила.

Я ждала этого вопроса. И была готова к нему.

– Нет, не жалею. Тем более что я вижу его очень часто.

– Почему ты развелась с ним? Что для тебя твоя свобода? Зачем она? Кому ты теперь нужна? Или, быть может, у тебя появился другой мужчина?

– Никого у меня не появилось. А свобода мне нужна для

того, чтобы быть свободной...

Здесь можно было бы расхохотаться, но мне почему-то не было смешно.

– Понимаешь, жизнь так интересна, и я не хотела ограничивать свою свободу какими-либо обязательствами перед другим человеком. Ты же знаешь, какая у него работа... И он тоже свободен, может идти и ехать куда угодно, если того требует дело. А моя работа тоже требует каких-то передвижений, встреч с людьми...

– Полина, что такое ты говоришь? Ты же всего лишь писатель! И все, что хочешь узнать, можешь почерпнуть в Интернете! Поправь меня, если я ошибаюсь. А вот Володя – он следователь, у него реальные и очень трудные дела, причем связанные с тяжкими преступлениями. Я отлично помню, как он распутывал двойное убийство в Липовке. Как он ночи не спал, постоянно что-то чертил, кому-то звонил, ездил, а сколько сигарет выкурил!

– Значит... – голос мой предательски дрожал. – Значит, ты считаешь, что у меня совершенно несерьезная работа, так?

– Можешь на меня обижаться, – не уступила своих позиций Мила, – но, повторяю, твои романы, как правило, основаны на выдуманных сюжетах.

– Неправда! – воскликнула я.

– Почему неправда? Ты же сама мне рассказывала, откуда ты берешь свои идеи.

– И откуда?

– Из головы, вот откуда.

– Нет, я многое беру из реальных дел, преступлений...

– Но твои романы не помогают людям искать настоящих преступников. Поля, пожалуйста, не обижайся на меня. Постарайся меня понять! Твое дело – развлекать людей, понимаешь? И это тоже нужно людям. Не зря же мы все покупаем книги, читаем их... Но, повторюсь, ты не следователь прокуратуры, который...

– Ладно, хватит, Мила! Я все поняла.

– Ну, вот ты и обиделась. А я ведь только хотела тебе сказать, что нельзя сравнивать твою свободу – писательскую и свободу следователя прокуратуры, ясно? Я ведь знаю, почему вы расстались. Он сильно ревновал тебя ко всем тем, с кем ты встречалась, собирая материал... тебе, как человеку творческому, всегда хотелось окунуться в некую особую атмосферу... Но согласишься, что, если ты пишешь роман про маньяка, тебе вовсе не обязательно селиться в его квартире, чтобы пытаться понять его. Или, если ты пишешь роман про проститутку, тебе не следует устраиваться на работу в публичный дом.

– А почему бы и нет? – разозлилась я, уязвленная тем, что мою профессию не считают серьезной.

– Я вижу, что и правда разозлила тебя. Ну, прости. Я не хотела, чтобы вы с Володей расходились. У вас были такие чудесные отношения! Быть может, я веду себя сейчас имен-

но так потому, что у меня все хорошо, и я хочу, чтобы у каждой женщины был хороший и любящий муж, я хочу, чтобы все было хорошо!

– Но мне не было хорошо с Володей. Он постоянно контролировал меня, он, как и ты, считал мое занятие несерьезным. А это очень неприятно, поверь. Когда посторонние люди восхищаются твоим творчеством, а твой собственный муж воспринимает его как нечто вроде рукоделия, вышивки, я не знаю, вязанья...

– Поля, пожалуйста, прошу тебя, не злись... Ты же не хочешь, чтобы я сдерживала свои чувства и эмоции, чтобы я, вместо того чтобы высказывать тебе свое мнение, лишь улыбалась и во всем соглашалась с тобой? Это неинтересно и нечестно. Уж я такая, какая есть. И ты приехала ко мне сюда, к черту на кулички, исключительно потому, что ты любишь меня именно такой, какая я есть.

Но я не могла вот так взять и перестроиться на улыбку. Я обиделась. И Мила это поняла.

– Хорошо, докажи мне тогда, что я не права.

– И докажу!

С этими словами я принесла и разложила на ковре перед камином ставшую плоской подушку-кошку.

– Что это?

– Принеси чаю, и я расскажу тебе одну историю... Заодно поймешь, что я приехала сюда не только из-за тебя.

Заинтригованная, Мила поспешила в кухню.

Так, за чаем, я рассказала ей об убийстве Надежды Агренич.

– Поля, какая же ты молодец, что приехала! Да мы с тобой все быстренько разузнаем! Я уверена, что у Сережи в Уренгое есть знакомые. Да и у тебя, как я поняла, благодаря Володе есть человек, который сможет нам помочь?

– Этим делом буду заниматься только я! Ты же вернешься к своим прямым обязанностям. У тебя дом, муж, семья, одним словом.

– И ты уедешь? Полина?! – Мила чуть не плакала.

– А ты как хотела? Теперь и у меня появилось по-настоящему серьезное дело – буду искать убийцу Агренич. Может, мне повезет, и я вычислю, кто же из них двоих убийца – Опарин или Флорский?

– Но что тебе это даст? Тем более что Опарина больше нет. Если это он убил девушку, то он уже наказан. А если это Флорский...

– Мне надо выяснить, жив ли он остался или нет? Поймали его или нет? Еще я хочу узнать все про проводницу, в подробностях, и о том, кто и при каких обстоятельствах вручил ей деньги, и не могло ли быть ее убийство связано с этими деньгами?

– Но для этого тебе потребуется выяснить, был ли заранее спланирован побег, – неожиданно сказала Мила. – А наверняка так и было. Ведь сбежать сразу троим заключенным – это не просто... Им кто-то помогал. И этот кто-то мог знать

о находившихся в поезде деньгах!

– А деньги Агренич? Откуда у нее такая сумма?

– А вот это ты придумай сама, – улыбнулась Мила. – Придумай и напиши! А я, как всегда, почитаю.

Мне на какой-то миг показалось даже, что она издевается надо мной. Однако я нашла в себе силы проявить великодушие, приписав ее поведение причудам беременной женщины. И все же позже, уже перед сном, когда я пробиралась из гостиной в отведенную мне комнату, проходя мимо спальни хозяев, я случайно подслушала разговор моих голубков. Вернее, монолог своей сестрицы. Он звучал примерно так:

– Я не понимаю, зачем она устроила эту панику?! Нет, я, конечно, рада, что она приехала. Но ее визит выглядит так, словно она явилась не просто так – навестить меня, а проконтролировать на правах старшей сестры нашу с тобой жизнь. Представляешь, она учинила мне самый настоящий допрос! Как мы с тобой живем, не обижаешь ли ты меня, всем ли я довольна и, главное, – не пора ли мне возвращаться в Москву! Сережа, мне на какой-то миг даже страшно стало, она, моя старшая сестра, словно возникла из моего детства, будто посланная моими родителями: все, мол, Мила, закончилась твоя самостоятельная жизнь и тебе пора возвращаться домой, в семью!

– Думаю, ты преувеличиваешь, – мягко возразил Тихий.

– Да ничего я не преувеличиваю! И даже если это так, что

с того? Я привыкла уже к независимости, к тому, что мы с тобой живем вдвоем. И я не знаю, о чем с ней говорить...

– По-моему, она просто соскучилась по тебе, вот и все.

– Ну и что? Вернее... нет, я не то хотела сказать... Я ведь тоже по ней соскучилась, ужасно. – В голосе сестры я услышала слезы. – Но я боюсь при ней проявлять свои чувства! Я так хочу обнять ее, поплакать у нее на плече, как в детстве, но боюсь, что она воспримет это как мое желание вернуться.

– Думаю, тебе пора уже успокоиться. Твоя сестра любит тебя, иначе она не проделала бы такой путь.

– Да вообще-то она приехала не только ко мне. У нее тут, вернее в Уренгое, есть одно дельце, связанное с убийством какой-то девушки. Поля собирается писать роман. У нее сейчас самое тяжелое время – продумывание нового сюжета, сбор материала. Полагаю, она нашла какую-то золотую жилу и теперь хочет по уши окунуться в атмосферу.

– Убийство? Она сама его сочинила?

– На этот раз нет. Она рассказала мне довольно интересную историю, но все равно, Сережа, как-то все это несерьезно. Тащиться за столько верст, чтобы покопаться в старом деле...

– А по-моему, творческим людям путешествия полезны. И, думаю, это отлично, что она решила совместить приятное (я имею в виду встречу с тобой) с полезным. Еще раз прошу тебя – успокойся. Ты ведешь себя так, словно и не рада ей. Твоя сестра – очень чувствительный человек, она мо-

жет неправильно истолковать твоё поведение. Отчего ты так нервничаешь? Мила... А может, это ты её вызвала, а теперь не знаешь, как себя вести, чтобы я ничего не понял? Так я все равно все пойму. И, еще раз повторяю, я очень рад приезду твоей сестры. Что же касается твоего утверждения, что её занятия – дело несерьезное, то здесь я с тобой не согласен.

– Почему ты так защищаешь её? Ты разве не знаешь, что она развелась с Володи́ей? У неё был прекрасный муж, он её просто обожал... А ей, видите ли, понадобилась свобода? Захочу – пойду налево, захочу – направо...

– Но это её выбор, и его надо уважать! Она вправе принимать решения и жить так, как она того хочет. Ты ведь тоже сделала свой выбор, и теперь ты здесь... Вероятно, её не устраивала жизнь с Володи́ей.

– Да ты его просто не знаешь! Порядочнее человека я ещё не встречала. В смысле... ты-то – мой муж, я имею в виду, до встречи с тобой. Словом, ты понял. Так вот, думаю, сестра моя просто не могла привыкнуть к тому, что его никогда нет дома. Он – следователь прокуратуры, расследует дела, связанные с убийствами. Она благодаря ему много чего узнала и поняла, она черпала свои сюжеты из его практики... А потом, когда стала известной, бросила его, как использованный материал.

– Почему ты так относишься к Полине? Что случилось?

– Я очень люблю её, ясно тебе, но не хочу, чтобы она вмешивалась в мою жизнь!

– Но разве она вмешивается?
– Она приехала, понимаешь?
– Не понимаю. Давай уже спать... Ты как себя чувствуешь?

Слезы душили меня. Я не могла разобраться – что произошло за какие-то пару дней, что мы не разговаривали с Милой? Почему она восприняла мой приезд так негативно? Неужели она не хотела меня увидеть, не соскучилась по мне?

Меня так и подмывало распахнуть дверь их спальни и сказать ей, что я ни минуты не останусь больше в этом доме, где меня не желают видеть. Я даже взялась за ручку двери... Но потом я все же заставила себя дойти до своей комнаты и расплакалась уже там.

Где-то в глубине души я понимала, что произошло. Она слишком долго прожила вместе с Тихим, она привыкла к нему, к своему вынужденному одиночеству, когда ей приходилось подолгу оставаться дома одной, и вдруг такая эмоциональная встряска – приезд близкого человека...

Стоп! У меня даже слезы просохли, когда мне в голову пришла мысль о том, что именно заставляет Милу так нервничать, так переживать. Я – близкий ей человек, слишком много знаю о ее прошлой жизни, о ее похождениях. Может, она так дорожит своими отношениями с мужем, что боится – я случайно проговорюсь и скажу что-то лишнее? Выдам ее с головой, со всеми ее беспорядочными связями и увлечени-

ями, намекну ее мужу, какой безалаберный образ жизни она вела в Москве, опускаясь даже до откровенного пьянства? И что единственное, чего ей удалось избежать в своей сумасшедшей жизни, – это наркотики. Вот этой беды в нашей семье, слава богу, не случилось.

С другой стороны, я с трудом допускала, что она боится предательства с моей стороны. Здесь дело может быть в том, что один мой приезд напомнил ей о чем-то нехорошем, о том, что она пыталась забыть. Может, с ней случились какие-то разочарования, она ощущала боль, стыд... И тут уже как бы она сама ни при чем, и все дело в ее подсознании. Одно мое появление могло потянуть за собой целый ворох тяжелых ассоциаций.

От этих размышлений мне стало чуть легче, но все равно захотелось почему-то как можно скорее покинуть этот дом.

Быть может, поэтому я уже на следующий день, не простившись с сестрой, села в поезд и поехала в Новый Уренгой.

Мама рассказывала ей, что она провела в беспамятстве неделю. Не то что она была без сознания, нет. Она лежала с открытыми глазами на кровати и смотрела в потолок. Не реагировала ни на звуки, ни на свет... Пригласили доктора, сначала – терапевта. Мама вынуждена была рассказать ему о перенесенном дочерью стрессе, и вот тогда в доме появился психиатр. Он задавал Наде какие-то вопросы, много, тысячу вопросов, от которых ей почему-то хотелось спрятаться под одеяло, а он все спрашивал, спрашивал; и что-то помечал в своем толстом блокноте, ставил какие-то галочки. Она понимала, что это тест, он просто хочет понять, что с ней произошло и насколько ее состояние безнадежно. Но тест все равно не мог бы измерить всю кровавую глубину ее переживаний, ее душевную смерть. Тело могло дышать, оно требовало немного еды и питья, а вот душа не требовала ничего, кроме покоя. Хотелось забыть Егора, забыть вместе со всем, что было у нее с ним хорошего, забыть, чтобы не было так больно. Но – не забывалось. Надя лежала с открытыми глазами и чувствовала, как слезы вытекают из глаз и катятся почему-то к ушам, в разные стороны... Впитываются в подушку. И так ей становилось неудобно, словно она лежала на мокром постельном белье, которое от слез – хоть выжимай...

– Время все лечит, доченька. Таких паразитов, как твой

Егор, полно... Они тракторами проходят по жизни таких вот молодых и наивных девушек, как ты. И Стеллу не проклинай, не надо, ты сама ее помучила, ты же знаешь, ты же все понимаешь... — причитала мама, меняя ей постель или пытаясь напоить ее куриным бульоном. — Со Стеллой он обойдется так же. Это тип мужчины такой... Забудь его! Может, он и любил тебя, но потом что-то с ним произошло... Может, приворожила его Стелла! Это вы раньше подругами были, а когда между вами мужчина встал, все дружеские отношения сразу прекратились, это закон такой. Но ты должна понять, что, кроме мужчин, в жизни есть и другие радости, радость жизни, наконец! Все забудется, говорю же, время все залечит, и раны твои зарубцуются. У меня тоже в жизни были разочарования, я так плакала, что, кажется, должна была ослепнуть... И так рыдала, что разодрала себе горло! И я ничего не замечала, и все вокруг напоминало мне об этом человеке... Но выжила ведь. Другого парня встретила твоего отца, Надя, вышла за него замуж, ты вот родилась, и я обрела настоящее счастье. Да ты и сама прекрасно понимаешь, что жизнь не стоит на месте, что раны затягиваются, новая кожа нарастает, слезы высыхают, все восстанавливается...

Она слушала мать и понимала каждое ее слово, понимала, но не пропускала внутрь себя, словно все это не имело к ней ровно никакого отношения. Да, кто-то, может, и восстановился, но только Надя никогда не найдет в себе силы

встать и тем более начать новую жизнь. Да и как жить, если буквально каждая вещь в квартире и каждая улица в городе, где они бывали вместе, будет теперь напоминать ей о Егоре? Или о Стелле? А если еще она будет встречать эту парочку – нос к носу? Что ей тогда делать? Притвориться, что она их не замечает? Но ведь это же невозможно! Она готова броситься к Стелле и впиться ногтями в ее розовое гладкое лицо... Да, вот что – именно ненависть сможет придать ей сил. Войди сейчас Стелла в ее комнату, разве не подскочит Надя с постели, разве не сорвется она со своих влажных от слез простыней, чтобы броситься на предательницу с кулаками? Нет, лучше всего нож. Надо положить нож под подушку и ждать, когда она появится... А она может! Выкатит свои огромные бесстыдные глазищи и скажет, что пришла проведать болящую... И вот тут-то Надя и бросится на нее с ножом, и всадит его прямо ей в грудь, в сердце, а потом – в шею, чтобы проколоть сонную артерию, чтобы кровь была фонтаном, чтобы она, теплая и густая, залило лицо Нади, чтобы она почувствовала, как силы Стеллы перетекают в нее...

Она казнила ее в своих мыслях много раз, и каждый раз казнь была изощренной, жестокой.

А однажды утром Надя вдруг захотела есть. Она попросила маму сварить ей манную молочную кашу.
– Ма, и положи побольше сахару. И масло.
Глядя, как плавится в середине манного поля слиток жел-

того, почти золотого масла, она ощутила сильнейший голод. Она ела кашу, обжигаясь и жадно глотая, макая в сладкую вязкость кусочки мягкой булки. Мама поставила перед ней большую чашку с чаем. Никогда еще такая простая еда не приносила Наде столько удовольствия.

– Слава богу, слава богу... – суежилась вокруг нее мама, раскладывая на постели чистую пижаму и полотенца. – Сейчас пойдем в ванную, я тебя искупаю, мы расчешемся, я приведу тебя в порядок... Господи, как же я рада, что у тебя появился аппетит!

Еще через неделю, в течение которой Надя планировала убийство Стеллы (Егора ей убивать не хотелось, она старалась не думать о нем вообще!), но так ничего и не придумала, она заявила маме, что ей надоело сидеть дома, что она готова выйти на работу.

– Ты уверена, что сможешь продержаться на ногах целый день? – спросила мама.

– Я попробую.

Она мысленно вышла из дома, сделала несколько шагов к своей автобусной остановке, вспомнила путь на работу и вдруг поняла, что в ее жизни чего-то, вернее, кого-то не хватает... Котенок! Сима!

– Ма, а где Сима?

– Я унесла ее к соседям.

– Зачем?

– А ты не понимаешь?

– Понимаю. Но Сима ни в чем не виновата! Я уже при-
выкла к ней...

– Но ты о ней не спрашивала все это время... Я подума-
ла, что сделала все правильно, – растерялась мама, которая
больше всего боялась травмировать дочь.

– Принеси мне ее обратно.

– Не нужно этого делать. Ты снова будешь вспоминать о
нем. Не надо, послушайся мать.

– Ты убила ее?

– Кого, кошку? Да ты с ума сошла, Надя! Что за мысли?!

– Обыкновенные мысли. Где Сима?

– Говорю же – отдала. Соседке.

– Какой еще соседке?

– Ты ее не знаешь... – смутилась мама. – Когда-то давно
мы жили в одном доме... Это одна моя старая знакомая. Я
даже не знаю, где она живет!

– Значит, вернуть Симу ты не сможешь, так?

– Да, скорее всего, не смогу. Но почему тебя так взволно-
вала судьба кошки, которая будет напоминать тебе...

– Все, хватит... Я поняла. Ты всегда будешь вмешиваться
в мою жизнь и решать, что мне нужно, а что нет!

– Но я была уверена, что поступила правильно...

Надя понимала, что с ней что-то происходит и что она не
должна так кричать на мать, делавшую все, чтобы только об-
легчить ее страдания, но какие-то грубые слова, упреки так

и слетали с ее воспаленных губ...

Она нашла в себе силы выйти из дома, доехать до магазина и купить отрез трехцветного – белое с рыжим и темным – густого плюша, вернуться и раскроить круглую наволочку, которая напоминала бы ей о кошке Симе. Остальное дошила мама. Получилась оригинальная мягкая подушка, которую Надя сразу же утащила к себе в комнату и, забравшись в постель, положила себе под голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.